

84(2=632.1/6
К 599

Л. КОКЫШЕВ

СТИХИ

Ляону Сайову
а гомени
от аб мапа
П. Корочева
12/11-58 год

П

Handwritten text in blue ink, likely a signature or address, oriented diagonally. The text is difficult to decipher due to the cursive style and fading. It appears to contain several lines of text, possibly including a name and a date or location.

ЛАЗАРЬ КОКЫШЕВ

СТИХИ

ПЕРЕВОД
С АЛТАЙСКОГО

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА * 1 9 5 3

84/2=632.1/6-5
K599

604164

БУ РА «Национальная
библиотека
имени М.В. Чевалкова»

12.05.2020

ДВЕ ДОРОГИ

Скалистый берег —
До чего он дик!
Он не живет минуты тишиною:
Ревет Катунь, как разъяренный бык,
И в берег бьет рогатою волною.
Повсюду горы...
Но который год,
Былое забывая понемногу,
Наш Чуйский тракт
Сквозь горы вдаль идет
Над старою алтайскою дорогой.
О старая дорога!
Сколько бед,
Разлук, смертей
Тебе пришлось увидеть.
Здесь был забит нагайками мой дед
За то, что смел тебя возненавидеть.

По этому пути издалека
Купцы возили огненную воду,
Чтоб трезвым не был мой народ века
И никогда
Не ведал про свободу.
Но мой народ,
Он выжил в трудный час,
Он сбросил тяжкий груз
Глухих столетий...
И только птицы изредка
Сейчас
Напоминают посвист
Ханской плети.
Ты, старая дорога,
Не смогла
Пробиться дальше:
Не хватило силы,
Когда уркош, отвесная скала,
У пропасти тебя остановила.
И — замерла...
А над тобою вдаль,
Сквозь горы, над ущельями, —
Вот так-то! —
Советская проходит магистраль,
Которая зовется Чуйским трактом.
Стремительно уходит Чуйский тракт
Туда, где горы поравнялись с небом.
Здесь день и ночь
Стучат машины в такт,
Нагруженные мясом, шерстью, хлебом,
Щебенка под машинами хрустит...

И Чуйский тракт
Уходит вдаль бесстрашно.
Под ним
Дорога старая грустит,
Припоминая свой позор вчерашний.

К НОВЫМ ЛЮДЯМ И НОВЫМ КРАЯМ

До свидания, мама, прощай!..
Над горами — осеннее пламя.
До свиданья, мой маленький край!
Я вернусь по весне
С журавлями.
Скоро птицы на юг полетят
И по-птичьи тоскливо заплачут,
Но они возвратятся назад, —
Разве может случиться
Иначе?
Разве можно весной усидеть
Вдалеке от родного гнездовья,
Разве можно
О родине петь
Вдалеке от родного гнездовья?!
И в Москве мне свой край не забыть...
Вечерами,
Конспекты листая,
Захочу я опять побродить
По гористым тропинкам Алтая.
И захочется так,

Что — невмочь,
Хоть беги на вокзал за билетом...
Я сумею бессонную ночь
Просидеть у окошка без света...

Слышу, кедровые мне шепчут:
«Держись!
Будет дождь,
Будет слякоть и вьюга!
Не страшись, —
Ты идешь в эту жизнь
От железной рогатины плуга...»
И дорога ложится к ногам,
И дорога все дальше уходит.
К новым людям
И к новым краям
Беспокойное сердце уводит.

ПОЙ, ПЕВЕЦ!

Пой, певец,
О великих зорях,
Пой, певец,
О стране свободной,
Пой, певец,
О Стране Советов
И о людях этой страны.
Пой, певец, —
Твой свободный голос
Будет слышен везде и всюду:
Отзовется в тростинке каждой,
Наклонившейся над ручьем.
Пой о том, что народ мой счастлив
Тем, что с русским народом строит
Настоящую жизнь,
В которой
Мы сегодня с тобой живем.
Пой, певец,
О том, что мы любим,
Если руки дружны с работой,
Если сердце наружу рвется

От нахлынувших чувств порой:
Пой, певец,
О весенних грозах,
О морях, создаваемых нами,
Пой о тех, кто влюблен и весел,
Кто умеет любить и петь.
Пой, певец, —
Ты обязан правду
Рассказать о Стране Советов,
О страна, что живет солдатом:
Но не думает воевать!

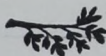

* * *

Отзвенели копыта
Алтайских коней...
Загрустило осеннее поле.
И последний листок
С оголенных ветвей
Закружился, почувствовав волю.
Глухо шепчутся с ветром в воде
тростники.

Облака над землей
Проплывают лениво.
И под старый рассказ
Говорливой реки
Задремала плакучая ива.
Мудрый кедр на скале
Видит мрачные сны:
В них трескучий мороз
И густые мегели...
Песни девушек стихли до новой весны,
И давно журавли улетели.
Отзвенели копыта
Алтайских коней...

Только кто-то природу
Отчаянно будит:
По продрогшей дороге
Вдаль скрывшихся дней
Листья мчатся к деревне,
Тоскуя по людям.

* * *

Алтайский край,
Тебя я не забыл:
К тебе опять вернулся сын упрямый...
По узенькой дорожке
От избы
Бежит навстречу мне
Родная мама...
И медный чайник, потерявший счет
Своим годам,
Опять поет нестройно.
— Сынок, учиться долго ли еще? —
Спросила мать, вздыхая беспокойно.
— Теперь недолго, — отвечаю я... —
Беру топор, да молоток, да гвозди.
А у окна береза ждет меня
И что-то шепчет
Языком березьим.
На лыжах, что под крышею лежат,
Гнездо успела ласточка построить...
Уже румяным яблоком закат
Созрел над освещенною горою...

В долине Урсула горят огни.
Мы с мамою ведем
Простые речи.
И звезды,
Словно будущего дни,
На нас глядят совсем по-человечьи.
С лугов пахнула
Мятою трава.
Протяжно сочи¹ где-то прокричали...
У матери —
Седая голова,
У матери —
Заботы и печали.
Она, однако, долго не молчит
И говорит — как будто и некстати:
— Сынок, ты слышишь —
Плачут дергачи?
Траву скосили, негде ночевать им.
Но не беда, трава ведь подрастет,
Да и хлеба, видать,
Созреют скоро.
Сегодня будет урожайный год,
Хоть трудно было... —
И глядит на горы. —
Учись, сынок,
А я уж как-нибудь
Дождусь тебя, мы жить получше будем.
За мой нелегкий,
Но хороший путь

¹ С о ч и — ночная птица.

Мне часто помогают наши люди... —
Вокруг — ни звука. Тишина. Покой.
Лишь изредка собака где-то взвизгнет.
И мама
Жесткой, ласковой рукой
Меня ласкала,
Говоря о жизни.
Года идут.
И я несеу мечту,
С которой хоть по рытвинам, по кочкам
Я поле жизни
С честью перейду, —
Поэтом ли?..
Но человеком — точно!

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Первый снег...
Первый снег
Пробегают дорожкой.
Первый снег...
Первый снег
Прилипает к окошку.
Первый снег...
Первый снег,
Словно заячья шубка.
Первый снег...
Первый снег,
Словно девичья шутка.
Первый снег...
Первый снег
Над дорогой кружится
И, несмелый такой,
Мне на плечи ложится.
Он боится тепла,
О морозе мечтает.
Первый снег...
Первый снег

Он, конечно, растает.
Может быть, потому
Он до слез мне приятен.
Первый снег...
Первый снег,
Словно старый приятель, —
Тот, что в сердце твоём
Стал немалою частью.
Первый снег...
Первый снег,
Словно первое счастье.
Ровной сеткой висит
Белый снег на березах.
Первый снег...
Первый снег —
Не жилец без мороза.
Трудно первому быть,
Если силы немного...
Беспокойно кружит
Первый снег над дорогой.

ОХОТНИК В ТАЙГЕ

С двустволкой в жилистых руках
И в шубе наизнанку,
В тяжелых, теплых сапогах
Он вышел спозаранку...
Шумит тайга.
Трещат кусты.
Овраги смотрят грозно.
А белки, распушив хвосты,
Бегут, оставя гнезда.
Хотя глаза у старика
Немного потускнели,
Он бьет всегда
Наверняка,
Без промаха
По цели.
Он рысь сквозь сучья различит,
Он не упустит волка.
И тульская двустволка
На весь Алтай звучит.
Медведь упал на синий снег...
Шумишь напрасно, ветер! --

Не ты, не зверь,
А человек
Хозяин дебрей этих!
Шумят дремучие леса,
Шумят, зверье скликают.
И звезды, беличьи глаза,
Обиженно мигают.
Тайга была еще вчера
Дика, глуха, страшна...
Под теплым кедром —
Треск костра.
Погрейся, старина!
Ты здесь сегодня не один
Ночуешь при огне...
Доносит ветер шум машин
И песню
О весне.

БУРЕНУШКА

Отец, винтовку сняв,
У двери встал,
На нас взглянул
И пот холодный вытер,
И плачущую мать поцеловал,
И повторил:
— Буренку берегите...

Всегда мы были сыты молоком,
И мать на фронт
Слать масло не скупилась.
Но вот однажды,
Несчастливым днем,
Буренушка домой
Не возвратилась.
Напрасно мы кричали средь лугов
Вокруг стояла тишина
Немая...
С последним криком
Наших петухов
Буренушка вернулась

Чуть живая.
Она лежала
В пасмурных сеньях,
На маму глядя,
Спрашивала будто:
«А как же проживешь ты
Без меня,
А как без молока
Детишки будут?..»

Уже туман за окнами редел:
И мама, обнимая нас,
Рыдала...
Как человек
После хороших дел,
Буренушка
Спокойно умирала.

ОТЕЦ

Хлопнул дверью,
Вышел — не простился.
Мать сидела молча у стола
Не пришел назад, не возвратился —
Понапрасну, видимо, ждала.

Было все запутано и сложно.
Мать сказала:
— Нет у вас отца... —
И забились быстро и тревожно
Детские наивные сердца.

В темноте не спал я до рассвета,
Думу передумал не одну,
И решил,
Что ни за что на свете,
Как отец,
Не брошу я жену.

Бились сосен шумные вершины,
За селом трещали трактора,

А на полках — в ведрах и кувшинах —
Брань отца гудела до утра.
...Мать трудилась до заката в поле.
Проходил в заботах день за днем.
А отец... его забыли вскоре,
Ничего не слышали о нем.
Но однажды ночью я проснулся,
Отчего — и сам не мог сказать,
Я протер глаза и повернулся:
Надо мною наклонилась мать.

— Встань, сынок...
Нагрянул враг проклятый...
(Я молчу — спросонья не пойму).
Твой отец идет на фронт солдатом,
Вот снеси курут¹ и хлеб ему.

Горы.
Рань.
Прохладная погода.
Я пешком пришел в военкомат.
Там рыдали женщины у входа
И сержанты строили солдат.

Я стоял растерянно в сторонке —
Ни один солдат мне не знаком.
И смеялись местные девчонки
Над моим домашним узелком.

¹ Курут — сыр.

Люди волновались и спешили.
Солнце припекало все сильнее.
Вдруг, смогрю — отец!
Отец в машине.
Я вдогонку бросился за ней.

Эх, отец!..
Ничто не изменилось
На лице нахмуренном и злом.
И машина скрылась за углом,
Только пыль над улицей клубилась.

Наш отец погиб под Сталинградом,
Но нередко думаю сейчас:
Он, наверно, был бы с нами рядом,
Если б тот подарок взял от нас.

БАЛЛАДА О СОБАКЕ

Тайга была огромна и безлюдна.
Тагил бежала по звериной тропке,
И кедры больно ветками хлестали
По впалым и дымящимся бокам.
Тайга была огромна и безлюдна.
Неподалеку где-то ухал филин,
И белый свет луны с трудом сочился
Сквозь ветки неподвижных кедрачей.
А вот поляна.
Вот шалаш знакомый —
Он отсырел и набок покосился.
Зола давно остыла меж камней...
Она шалаш обнюхала, лежанку,
С оборванными лямками мешок —
Все сохраняло слабый-слабый запах
Тяжелых рук хозяина.
Собака
Задрала морду к небу и завывала.
А в небе неподвижная висела,
Пустынная, холодная луна.

Казалось, ветер пел в вершине кедра.
Ту песню, что нередко пел хозяин,
Но это филин хохотал над нею
И по-собачьи лаяла лиса.
И чудилось собаке, что с добычей
Вот-вот хозяин выйдет из-за сопки;
Потреплет по спине ее и сядет
У жаркого костра пред шалашом,
Задумчивый, большой.
И, по привычке,
Она ему в колени сунет морду.

Собака, ничего она не знала,
Не понимала, для чего хозяин,
В пахучих сапогах и в гимнастерке;
В теплушке ехал к западу; не знала;
Зачем он привязал ее к ограде
В чужом дворе.
Шел сорок первый год.

Сухие листья падали с деревьев,
Их скоро снег укроет пеленою.
И стало очень холодно собаке
Под равнодушной, белою луной.
Она уйти хотела, но вернулась.
У шалаша, где прежде жил хозяин,
Ей повстречались два голодных волка,
Два осторожных, опытных врага.
И кинулась она без лая, молча,
Лишь челюсти работали и лапы;
Сплелись клубком три тела мускулистых,
И шерсть летела клочьями от них.

Но вскоре волки отступили в чашу.
Отвагою ее поражены.
Она лежала, кровью истекая,
У шалаша, где прежде жил хозяин,
И бляхою поблескивал ошейник
С обгрызанным, оборванным ремнем...

... Опять живет в тайге ее хозяин,
Охотится, силками ловит белок,
До осени ночует в шалаше.
Когда же ветер бродит в сонных кедрах,
Все чудится ему в ночах таежных,
Что где-то воеет верная Тагил.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Замела к избушке след
Вьюга снеговая,
Ветер возится в трубе,
Сказку напевая.

Ребятишкам спать пора,
Сон глазенки сводит,
Да со скотного двора
Мама не приходит.

Где-то в сумрачном лесу
Тявкает лисица...
Размышляет мальчуган:
— Что могло случиться?

Может, около тропы,
Где темнеют елки,
С нашей мамою сейчас
Повстречались волки?

Вот пойду, своим ружьем
Серых испугаю...

— Нет, — девчурка говорит, —
Я наверно знаю:

У телят она опять.
Кончилась работа,
А телятам отпускать
Маму неохота.

Что поделать — малыши
Требуют ухода.
Видишь, снежная пурга:
Сердится погода...

Ребятишки у окна
Маму поджидают.
В небе мутная луна
Тихо проплывает.

Дверь испуганно скрипит
От порывов ветра,
И качают головой
Вековые кедры...

СПОЙ МНЕ, МАМА

Журавли... журавли...
Улетают от нас журавли.
Спой мне песенку, мама, —
Ты помнишь ее, дорогая.
Эту песню на крыльях
Опять журавли принесли
И опять унесли,
Далеко-далеко улетаю...
К материнским ладоням
Моя прикоснулась щека.
Вижу детство свое,
Беспечальное и озорное:
Журавли... журавли...
Чуть заметно плывут облака,
Над горами плывут,
Над деревней плывут,
Надо мною.
Но быстрее облаков
Журавли пролетают, трубя.
И вполголоса песню
Поет моя добрая мама:

«Спи, мой маленький, спи.
Все, что есть на земле, —
Для тебя.
Вся земля — колыбель.
Подрастай поскорей, мой упрямый».
Журавли... журавли...
И дорога у них далека.
Журавли... журавли...
И дорога у них не легка.
Им придется лететь
Много длинных и скучных недель.
Мир — велик!
Но я верил, что мир — колыбель...
Пой мне, мама.
Ты знаешь —
Я детство свое вспоминаю.
Спой еще что-нибудь,
Дорогая моя родная.

ОСЕННЯЯ НОЧЬ

Большая ночь.
Угрюмая такая!
Уже дожди холодные пошли.
Там, у подножья гор,
Друзей скликая,
Готовятся к отлету журавли.
Березовый листок
Прилип к окошку:
Замерз, бедняга, хочется к теплу.
А на коленях деда дремлет кошка,
Постукивают ходики в углу.
Что может быть темней
Осенней ночи,
Когда вселился в душу непокой?..
И филины, как пьяные, хохочут
В сыром бору за маленькой рекой.
Холодный ветер
Словно со стараньем
По вечерам гудит, гудит в трубе...
Не спит старуха, отложив вязанье,
И думает, конечно, о тебе.

Ты не забыл, что есть на свете мама?..
В Москве, как на Алтае,
Тоже дождь.
Ты на бульваре
Два часа упрямо
Любимую свою
Напрасно ждешь.

Вот дом ее. Подъезд. Этаж и двери.
Однако знай — она там не одна.
Но ты уверен, глубоко уверен:
Дождь виноват, что не пришла она.
Ты едешь в общежитие.
И злобы
На дождь, на осень
Почему-то нет.
Конспекты отложив, твой друг, должно
быть,

Давно уснул,
Не погасивши свет.
Ты в комнату войдешь,
Как можно тише.
Что — тяжело?
Но ты рукой махнешь.
Припомнишь мать
И ей письмо напишешь,
И до рассвета, знаю, не уснешь.
Придет письмо в алтайскую деревню —
Надолго ветер замолчит в трубе...

Спи, мама, спи.
Придет весна к деревьям.
Мне тяжело...
Я помню о тебе.

АЛТАЙЦУ ВАСЕ

Отец твой знал и голод, и ненастье,
Сводил концы с концами кое-как,
А рядом жил его большой приятель —
Василий Громов, пахарь и бедняк.

Белогвардейцы застрелили Васю,
Упал Василий, руки разметал...
Когда же ты на белый свет родился,
Отец тебя Василием назвал.

Горел Алтай. Кулак стрелял нам в спину.
Ты — сирота.
Куда пойти тебе?
Кузнец колхозный, богатырь Василий,
Тебя пригрел в большой своей избе.

С тобой на фронте был Василий Теркин,
Тебе Чапаев твердость духа дал.
Чтоб стать таким, как большевик Василий,
Трудился ты, сражался и страдал.

Ты не напрасно именем гордишься.
Ты в каждый дом почетным гостем зван.
Когда жена родит тебе мальчишку,
Ты просто назови его:

Иван.

АЛТАЙСКИЙ ПАРЕНЕК

Снега таежные темны,
Буран охрип почти...
В какой лощине табуны
От ветра упасти?
Крепчает стужа,
Жжет сильнее,
Пастух давно продрог,
Но скроет вовремя коней
Алтайский паренек.
Уныло воет волчий хор
У самого жилья.
Спокоен парень:
Волки — вздор!
Проверен ствол ружья.
Весна взовьется над тайгой,
Расправивши крыла,
И вновь расскажет козодой
О торжестве тепла.
И амаргою¹ станет вновь

¹ Амарга — пастушеская дудка.

Лесная ветка в срок —
Пусть песню сложит
Про любовь
Алтайский паренек.
Ойын¹ начнется ль у реки, —
Вздыхает сто девчат,
Ведь у парнишки каблуки
Все дробнее стучат.
А если парень тамада,
На тое² не сносить
Голов баранам никогда,
Гостей не обносить.
Стреляют пробки до утра
Из бочек в небосвод.
Вину колхозному пора
Порадовать народ.
И паренька зовут везде.
— А ну-ка, спой, сынок! —
В веселье первый
И в труде
Алтайский паренек.

¹ Ойын — национальная игра: состязание в пляске и пении, которое происходит в лунную ночь. Юноша-победитель получает право поцеловать возлюбленную.

² Той — пир.

ДОРОГА В ГОРАХ

Вот уж осень.

В небе над горами
Тихо проплывают журавли.
Листья многоцветными коврами
На лесные просеки легли.

И с утра на перевале горном,
Там, где путь опасен и горбат,
Всхлипывая грустно и покорно,
Над обрывом тащится арба.

Может быть,

Излишне молод возчик

И горяч, наверное, притом,

Но, как взрослый,

крепко держит вожжи

И при этом щелкает кнутом.

С ним,

забыв от страха все на свете,

Глобус и портфель прижав к себе,

Новая учительница едет

В горную деревню

на арбе.

— Ты давай, Калдаш, поосторожней,
Как бы конь копытом не лягнул. —
И тотчас спохватится тревожно: —
Да смотри,

чтоб в пропасть не свернул.
— Нина Мекечиновна,

не бойтесь,
Не таких коней я умирят.
Скоро дома будем, успокойтесь...
Э, куда ты?

Черт тебя побрал!.. —
И, взмахнув кнутом над головою,
Чудом равновесие храня,
Он, привстав в полроста над арбою,
Укрощает шалого коня.

... Вот и перевал вдали остался —
Пропасти в долине не грозят.
И как будто конь с узды сорвался:
Кедрачи проносятся назад,
Тараторят по камням колеса,
Желтый лист

летит из-под копыт,
И мальчишка озорно и косо
На свою попутчицу глядит.
А вверху,

в горах,
где снег лиловый,
Над обрывом домики стоят —
Это там учительнице новой
Обучать,
воспитывать ребят.

Пусть мала деревня,
но ведь дети
Носят сердце жаркое в груди.
Им взамен тропинок узких этих
Жизнь дает
широкие пути.

ПУТЬ ЯНАРА

Запах сена пьянее дурмана.
Горы спят в синеватой тени;
Перед сном
 одеяло тумана
Натянули на плечи они.
Жгут костер мальчуганы у брода,
Свет дрожит на осклизлых камнях,
И хорошую прочат погоду
Перепелки
 на дальних полях.
Разгораются звезды ночные,
Но над юртами ночь не тиха —
Провожают друзья и родные
На учебу
 в Москву
 пастуха.
Каждый к парню подходит с советом:
— Ну, удачи, Янар, от души!
Приезжай на каникулы летом
Да почаще нам письма пиши.

— Там, в Москве,
Занимайся прилежно, —
Говорят пастуху старики.
А красивая девушка нежно
Прошептала:

— Я жду у реки... —
Как по сердцу ударили струны,
Ташаур¹ пробкой выстрелил вверх.
На поляне, открытой и лунной,
Говор,

пляска

и радостный смех.

Пой, Янар,

свой аил² покидая.

Путь твой светел, хотя и не скор —
От вершин голубого Алтая
До вершины

Ленинских гор.

¹ Ташаур — кожаный сосуд для кумыса.

² Аил — селенье.

ПОЮ В ГОРАХ

Пою в горах.
Брожу то тут, то там.
В ущельях тьмы
Найти стараюсь свет.
Идет за мной козуля по пятам,
И журавли летят за песней вслед..
Когда охрипну,
Припаду к земле,
Из горных родников
Прохладу пью.
Я становлюсь значительно сильнее!
И вновь иду,
И вновь, и вновь пою.
Мой главный путь —
Он где-то впереди..
Когда устану,
Молча постою.
Но молод я!
И с песнею в груди
Я вновь иду,
И вновь, и вновь пою.

Уж если начал,
До конца допой.
—Кожондо!¹—горы вторят мне в ответ...
Идет козуля дикая за мной,
И журавли летят за песней вслед.
Гнилые сучья преграждают путь.
Я спотыкаюсь,
Но иду опять.
Мне хочется немного отдохнуть,
Зажечь костер,
Сварить обед, поспать.
Но нет — нельзя!
Ночлег мой впереди.
Я должен песню выстрадать свою.
Да, молод я!
И с песнею в груди
Я вновь иду,
И вновь, и вновь пою...

¹ Кожондо — пой.

ВЕЧЕР В ГОРАХ

Солнце в тучу медленно садилось.
И на мох прилег устало я.
Надо мной береза наклонилась,
Словно ты, любимая моя.

Я лежу.
Заметно, как темнеет.
Горный вечер тишину привел.
И на фоне неба столбенеет
Дикий и воинственный козел.

Он, как будто тишины пугаясь,
Рывкнул с камня
И умчался прочь...
Замигали звезды, зажигаясь,
Из-за елок выглянула ночь.

Тишина...
И сквозь нее устало

Горных рек доносится мотив.
Дремлют в вышине
Немые скалы,
Головы над вечностью склонив.

* * *

Весенний ветер
Сердце растревожил...
Гори, луна,
Сильней, светлей гори!
Мне тяжело.
И потому, быть может,
За косогором плачут глухари.
Но вот уже не слышны ветра стоны
И нет звезды на небе
Ни одной...
А кедры, не скупые на поклоны,
Прощаются с красавицей луной.
Идет весна.
В душе, однако, — вьюга.
Но я дождусь,
Дождусь своей зари!
Пускай молчит далекая подруга, —
Не нужно громко плакать,
Глухари...

КУКУШКА

У леглись последние морозы.
В воздухе — медовый аромат.
Белые стыдливые березы
Снова по-весеннему шумят.
Словно бригадиры,
Всем отрядом
Вслед за плугом
Шествуют грачи...
Первая кукушка где-то рядом
Беззаботно-радостно кричит.
Ей-то что, кукушке?
Ей бы днями
Петь о том, что май леса одел, —
Ведь она не видит наших дел
Пьяными, весенними глазами.
Ей-то что! —
Она ведь очень скоро
Улетит из нашей стороны
В те края, где мирно дышат горы,
Где не трудно жить,
Где нет войны.

Ей-то что! —
Она и знать не хочет,
Как нам с матерями тяжело.
Беззаботно
Целый день хлопочет,
Прославляя майское тепло.
Ах, кукушка,
Глупая болтушка,
Знала б ты, как нужен хлеб бойцам!
Нам не до тебя.
Лети, кукушка,
Не тревожа нас, к своим лесам.
Не тревожа нас, расстанься с нами
И лети, покуда голос цел...
Пьяными, весенними глазами
Ты не хочешь видеть
Наших дел.

ПЕРВЫЙ ГРОМ

Весеннее спокойствие лазури
Еще таят родные небеса.
Но, брови туч густеющих нахмуря,
Дохнула ветром первая гроза —
И гром ударил
Словно в исступленьи,
И день померк, бездонно-голубой.
Деревья опустились на колени
И руки сучьев
Подняли с мольбой.
Исполненная жажды самой жгучей.
Березка тучам тянется вослед.
Вот мелочь капель сумрачные тучи
Швырнули ей,
Как будто горсть монет...
... Уж ливень смолк.
И распахнулись дали
Еще ясней, прозрачней, чем вчера.
И птицы на лугах прощебетали,
Что наступила летняя пора.

.

Все было так: когда мне было двадцать,
Не знал и сам я
Помыслов своих —
Привык я тихим парнем называться,
Я думал сам,
Что я на редкость тих.
Но вдруг, любовь почувствовав большую,
Я, словно тот весенний небосклон
Степной грозой,
Волнуюсь и бушую,
Ее тревожным светом обновлен.
О, первая любовь —
 живая сила!
Все новое: и мысли, и дела...
Не ты ль меня бороться научила,
Вручила даль,
 широкий шаг дала?

АЛТАЙСКИЙ САД

В селенье,
что у берега Катунь,
Когда на север плыли журавли,
Молоденькие яблони и груши
Средь гор суровых
ярко расцвели.

И каждый день старательные пчелы
Летят туда ватагою большой,
И все цветы алтайские,
ревнуя,
Рыдают-заливаются росой.

Ах, яблони, гордячки и кокетки,
Все в кружевах,
в накидках на плечах,
Не зря же птицы, прыгая по веткам,
Вдруг перестали петь на кедрачах.

И ходит сторож Саламчи меж яблонь,
Как евнух средь гарема своего;

Мальчишки смотрят в сад из-за ограды,
Да вот боятся, видимо, его.

Но знаю я,
 что скоро на Алтае
Поднимутся сады в любом селе,
Хозяйки станут печь пирог из яблок
И будут груши на любом столе.

Так будет, знаю...
 А покуда груши
Шумят ветвями на ветру:
 «Растем!»
... И по горам от зависти бессильной
Седые кедры шепчутся кругом.

* * *

Голубые просторы,
Горизонт голубой...
Горы,
 здравствуйте, горы.
Здравствуй,
Край дорогой!
Ты, как друг, улыбнулся.
Я из дальних дорог
Возвратился,
Вернулся —
Не вернуться не мог.
Я знакомые лица
Вижу в каждом окне,
Я хочу поклониться
Старикам и родне,
Только радостью снова
Мне туманит глаза,
Ни полслова,
Ни слова
Не сумею сказать.

Здесь когда-то сражался
Деревянным мечом,
И мирился, и дрался —
Было все нипочем.
Вечно сбиты колени.
И, зовя меня вдаль,
Здесь кричали олени
По утрам.

Не тогда ль
Мне в райкоме вручили
Комсомольский билет,
Словно вдруг подарили
Все дороги,
Весь свет,
Радость нужного дела,
Рек равнинных стекло...
Сколько птиц пролетело
И воды утекло!..
Дети носятся с шумом.
А у новых ворот
Древний старец с топшуром¹
О героях поет.
Не могу наглядеться
На простор голубой.
Здравствуй,
Милое детство,
Здравствуй,
Край дорогой!

¹ Топшур — музыкальный народный инструмент, род домбры.

Ты, как друг, улыбнулся.
Я из дальних дорог
Возвратился,
Вернулся —
Не вернуться не мог.

* * *

тропи Алтай —
 моя квартира,
 Я жизнь
 Из окна наблюдать не мог...
 И вот я попал из большого мира
 В румяный и холёный
 Твой мирок.
 Костюм по моде?
 Не в этом дело.
 Мне скучен объятий твоих удел.
 Слова красивые?
 Надоело!
 Сердце жаждет красивых дел.
 Как свежий ветер,
 Я рвусь в просторы,
 Весь шар земной
 для меня родня,
 Моей колыбелью
 служили горы,
 И ласка не баловала меня.

Привольные степи
и гор крутизны —

Вот тропы,
Которыми я иду;
Хочу торить на дорогах жизни
Свою
 широкую борозду,
Хочу
С друзьями идти бок о бок,
Собою жить,
И в себе — людьми...
Похож мирок твой
 на узкий гробик,
А я -- человек еще,
Черт возьми!

«МАЛЕНЬКОМУ» ЧЕЛОВЕКУ

Неглупый парень.
С десятилеткой.
Работает складно.
Пьет не часто.
В нем
только одно
удивляет нередко —
Не может
спокойно видеть
начальство.
Бледнеет,
места рукам
не находит,
Имени
своего
не вспомнит,
Если начальство
к нему подходит
Или —
в одной из соседних
комнат.

Иной раз
 начальство
 о чем-нибудь спросит,
 Проходя,
 два пальца
 протянет сухо
 И так,
 между прочим,
 не слушая,
 бросит:
 — М-да...
 Ну, как...
 житуха? —
 А парень...
 Что с ним?
 Глядеть неловко:
 — Хи-хи.. поживаю... —
 лепечет с улыбкой,
 Как будто
 нашел на углу сторублевку
 Иль премию
 получил
 по ошибке.
 Вернувшись домой
 и не успокоясь,
 Кидается
 вдруг
 на шею жене:
 — Кошечка!
 Счастье-то нам какое!

Пал Палыч
 два пальца
 подал мне! —
Не спит,
 полпачки выкурит за ночь
И будит жену
 еще до зари:
— А знаешь,
 может,
 нынче Пал Палыч
Подаст мне не два,
 а целых три...

* * *

Нам,
 людям,
 знакомым с серпом
 и молотом,
Поручено
 счастье
 грядущих
 дней.
Работа кипит
 горячо
 и молодо,
И завтра
 с каждым часом
 видней.
Народ
 тех
 уважает и чествует,

Кто сердцем
 пря́м
 и душою
 смель.

А кто
 себя
 «маленьким» чувствует,
Тот не годится
 для наших дел!

МОЯ КНИГА

„Москва — Алтай» —
в барнаульском экспрессе
Мы едем два дня.
Ни конца,
ни края...
Соседка молчит,
не ответит, не спросит, —
Французскую книжку читает,
вздыхая.
В соседнем купе
с молодецким задором
Гармошка поет
про свое
дорогое.
Бескрайние степи,
уральские горы —
Как книга огромная
передо мною.
И чудится мне,
что во ржи золотистой

Коня расседлал
Салават Юлаев.
А в пенном потоке,
глубоком,
быстром,
Как будто плывет
комбриг Чапаев...
Я завтра домчусь
до отрогов Алтая
И выйду
в широкую степь
из вагона.

Я буду бродить,
со стрижами болтая,
Встречать пастухов
на истоптанных склонах.

Уж вечер.
Соседка роман отложила,
Но слышу во тьме,
как вздыхает чуть-чуть.

«Наверно,
какой-нибудь
фат и кутила

Всадил себе пулю
в грудь».

Мне
жалко соседку немного,
не скрою,

Комичны вздыханья
мечтательных дев.

Меня привлекают
другие герои,

Герои,
 которых встречаю
 везде.
 Они — непоседы,
 им сборы —
 недолги.
 Суровость дорог
 закалила сердца...
 Не уместишь
 мою книгу на полке,
 Книгу мою
 не прочтешь до конца.

Шлю твою нежность
 Веткам огня,
 Стану я наперевязь
 О своей любви.

Быть бы мне верной
 Под твоим окном —
 Веселит глаза твои

* * *

Я мечтаю, может быть,
Только об одном —
Быть бы мне черемухой
Под твоим окном,
Чтобы ты, красивая,
Появясь в окне,
Посмотрела ласково,
Улыбнулась мне.

А подует ветер вдруг,
Тронув тишину,
Я к тебе душистые
Руки протяну,
Шею твою нежную
Ветками обвив,
Стану я нащептывать
О своей любви.

Быть бы мне черемухой
Под твоим окном —
Веселить глаза твои

Теплым, тихим днем,
Сон пугливый, девичий,
Ночью сторожить,
А кустом заброшенным
Не желаю быть.

РАССТАВАНЬЕ

Ч. Е.

Позади,
Под теплыми снегами,
Задремал последний перегон.
Суматохой,
 говором,
 огнями
Наплывает медленно перрон.

Ты берешь свой чемодан с вещами, —
Огорчатся, право, недосуг.
Что тебе скажу я на прощанье,
Мой голубоглазый школьный друг?

Не уронишь,
 нет,
 слезы росинку,
А протянешь руку мне без слов
И уйдешь.
И белую косынку
Потеряю средь чужих голов.

...Мне теперь глядеть в окно ночное,
О тебе в дороге вспоминать.
Только знаю, —
Встретимся с тобою,
Неприменно встретимся опять.

ТОСКА

(Песня)

Бурливые волны Катунь-реки
Закрыли дорогу к тебе, Шурале.
Мрачны перевалы в снегу, высоки, —
Ну как же я их перейду, Шурале?
И конь мой не может дорогу найти,
Тоскует без крыльев скакун, Шурале,
Ведь песне — и той по горам не пройти,
По зимним горам не пройти, Шурале.
Обвалы лежат меж тобою и мной,
На горных тропинках лежат, Шурале,
Но с первой кукушкой приеду весной,
Ты жди непременно, моя Шурале.
Бурливые волны Катунь-реки
Закрыли дорогу к тебе, Шурале.
Мрачны перевалы в снегу, высоки, —
Ну как же я их перейду, Шурале?

ПОКИНУТАЯ

Уснули горы.
Тихо-тихо...
И вдруг...
Откуда ни возьмись —
Гармонь, играющая лихо,
И песня, рвущаяся ввысь!
Вот песня подошла к ограде,
От дома — в нескольких шагах...
А ты сидишь,
В окошко глядя,
С ребенком спящим на руках.
В душистом запахе черемух
Цветут сады,
Сады цветут.
Поют девчата возле дома,
Зовут тебя, тебя зовут.
А ты в который раз читаешь
Письмо от мужа:
Он тебя
Женою больше не считает,
Живет с другой, ее любя.

Он позабыл, что мальчик скоро,
Один у мамы, подрастет
И спросит об отце, который
К ним даже в гости не зайдет.
За окнами — весенний вечер,
И от черемух все светло.
За окнами — любимых встречи
И губ доверчивых тепло.
За окнами — веселье, песни...
Но ты на песни не идешь.
Понятно — тяжело.
А если
Свое ты счастье там найдешь?
Там ждут тебя друзья, подруги.
Иди же к ним, иди скорей!..
И ты идешь, идешь на звуки
Призывной музыки друзей.
Здесь все танцуют, даже тени.
И ты, не помня ничего,
На круг выходишь подбоченясь
И восклицаешь:
— Кто — кого!
— А ну!.. —
Ты бесконечно рада.
— А ну!.. —
Ты пляшешь, не дыша.
И замечает кто-то рядом:
— Невеста, братцы! Хороша!..
Твой смех —
Он здесь любому нужен.

И ты, выходит, — не одна...
А ветер —
Он письмо от мужа
Уносит с твоего окна.

АЛТЫН-КЕЛ

(Золотое озеро)

Давным-давно алтаец-бродяга нашел в горах Алтая золото — величиной с конскую голову. Не желая менять золото на чашку ханского риса, он бросил его в озеро... С тех пор огромное озеро в горах Алтая называется Золотым озером.

Я берегом бродил,
Не зная сна,
К озерному прислушивался гулу,
Покуда длиннорогая луна
Вершины гор
Рогами не боднула.
Плыла спокойно песня над водой,
Легенду
Волны грозные шептали,
Что, мол, на дне
Есть слиток
Золотой,
Да только люди слитка не достали.
Стучали злые волны в берега,

Ревели громко:
«Нас не одолеешь!..»
О Алтын-Кел,
Ты долгие века
Гордишься тем, что золото имеешь.
Да, ты красив, —
Других не сыщешь слов!
Но не гордись былыми временами:
Твоя вода — то слезы бедняков
И пот, который лился здесь веками.
Послушай, друг,
К чему кичиться зря,
Ведь над твоей
Заплаканной волною
Горит сегодня
Новая заря,
Которую зовем мы —
Золотою!

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «ТУБА»

1

Седла скрипят,
 шуршат армяки.
Здесь не отыщешь свободного места.
Осень смотрит из-под руки —
Тянется
Конный и пеший к уезду.
С утра шумит городской базар,
С утра зазывают к себе ойроты:
— А ну, подходи,
 забирай товар!
Пробуй на вкус лесные щедроты! —
Кедровых орехов возы —
Без конца...
Все — должники,
 а с долгами строго:
Русский купец
Вместо бога-отца

Местный зайсан¹ —
Он грознее бога...
Кругом толчея.

Гомонят ряды:
— Арбузы!..

— Смола!..

— Короба расписные!.. —

Вновь проверяет гармонь лады,
Рвутся в пляс сапоги смазные.
Сколько людей! —

повернуться нельзя.

Ветхий забор трещит от натуги.

Иные, версты исколеса,

С заморенных кляч

Снимают подпруги.

Урядник орет:

— Осади назад!

Что, с каталажкой знакомства

хочешь?.. ---

Где-то режет мясник поросят,

Где-то гуси гортанно гогочут...

А вот и Туба

Во всей красе:

Голоден,

худ и смолой измазан.

Он продает.

Он в долгу, как все, —

Торгуется,

шапку кидает наземь

¹ Зайсан — князек.

Ой, хорош наряд на Тубе —
 Лисья шапка набекрень,
 А число заплат на шубе
 Сосчитать —

затратишь день.

Впереброску разговоры,
 Руки в боки,
 Ноги врозь...
 По базару бродят воры,
 Видят каждого насквозь.
 Но за пазухою спрятал
 Туба кожаный кошель.

— Не покажешь ли, приятель,
 Сколь богатства?!
 Неужель?!

Ой, хорош наряд на Тубе —
 Продубил его мороз:
 Топором ударь по шубе —
 И топор придет в износ.
 Сапоги вконец разбиты,
 Тлели где-то у костра.
 А порты —

поди пойми ты:

Где карманы,
 Где дыра?
 Сожжены ветрами губы,
 Сену волосы под стать...

Смех и горе —
начал Туба
Грустно выручку считать.
Байский долг кладет он вправо,
Влево прячет
долг купца.
А зайсанам?
Их орава...
А шаману? Нет конца...
А жена,
а мать,
а дети?..
За муку отдать вперед...
И согреть их, и одеть их:
Тут какой, к шайтану, счет.
Туба думает часами,
Делит снова, не спеша —
Не свести концов с концами,
Сам остался без гроша.
Плюнул Туба,
значит это —
Возвращаться налегке.
Где же правда?
Правды нету.
Правда нынче в кабаке.

3

Эй, заливай кручину,
Сыпь, гармоника,
жарь!

Каждый себе купчина,
Поп
и уездный царь.
Туба стоит у порога...
— С нами садись, сосед!
Выпьем...

За путь-дорогу
На тот свет.
Или доволен этим?
Что ты, убогий, ждешь?!
Гляди —

на улице ветер,
Гляди —
на улице дождь.
Бойся надежд напрасных,
Развязывай медяки:
Сегодня хороший праздник,
Празднуют бедняки!..
Держится Туба стойко,
Но черт шевельнулся опять —
Бросил кошель на стойку:
— Гулять
так гулять!

«Деньги — это бумага,
А золото — человек.
Мало денег, однако,
Дал человеку век.
Много шишек кедровых
Видел в тайге ойрот,
Больше невзгод суровых
Видел за год народ.

Складки портянки грубой
Знают ли грязь Улалы¹?
Узнают ли дети Тубы
Голод,
 что липче смолы?
Скажи-ка, пуля,
Козуле,
Доколе ты будешь концом?
Скажи-ка, неволя,
Доколе
Ты будешь дружить с молодцом?»

— Я тоже зайсан сегодня,
Душу отнес в сыралат².
Я —

 человек свободный,
Каждому друг и брат
Пить и плясать мне любо.
Сыпь, гармонь,
 весели!
Что же ты плачешь, Туба,
Слезы ведь не рубли?

«Деньги — это бумага,
А золото — человек.
Мало денег, однако.
Дал человеку век —
Страшный,
 бедняцкий век...»

¹ У л а л а — старое название Горно-Алтайска.

² С ы р а л а т — кабак.

Улала! Улала! Улала!
 Все закрыла стылая мгла.
 Чуть заметен черный порог,
 Где унылый стоит острог.
 А на строганых нарах —
 тела...

Улала! Улала! Улала!
 Сквозь решетку глазка-окна
 Полосатая смотрит луна,
 Часовые стоят у ворот..
 Кто на помощь придет,
 ойрот?..

Туба молча глядит во тьму.
 Что-то надо сказать ему,
 Что-то надо спросить ему..
 Плохо жить в родимом дому:
 Разогнуться б,
 да власть крепка.

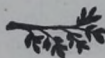
Крепок тусклый кулак замка.
 Но обида растет,
 Растет —
 Не удержишь ее замком,
 Разогнется еще ойрот...

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Две дороги. Перевел В. Фирсов	5.
К новым людям и новым краям. Перевел В. Фирсов	8.
Пой, певец! Перевел В. Фирсов	10.
Отзвенели копыта... Перевел В. Фирсов	12.
Алтайский край. Перевел В. Фирсов	14.
Первый снег. Перевел В. Фирсов	17.
Охотник в тайге. Перевел В. Фирсов	19.
Буренушка. Перевел В. Фирсов	21.
Отец. Перевел Ю. Полухин	23.
Баллада о собаке. Перевел Ю. Полухин	26.
Зимний вечер. Перевел Б. Гайкович	29.
Спой мне, мама. Перевел В. Фирсов	31.
Осенняя ночь. Перевел В. Фирсов	33.
Алтайцу Васе. Перевел Ю. Полухин	36.
Алтайский паренек. Перевел Б. Гайкович	38.
Дорога в горах. Перевел Ю. Полухин	40.
Путь Января. Перевел Ю. Полухин	43.
Пою в горах. Перевел В. Фирсов	45.
Вечер в горах. Перевел В. Фирсов	47.
Весенний ветер... Перевел В. Фирсов	49.
Кукушка. Перевел В. Фирсов	50.

Первый гром. Перевел Б. Гайкович . . .	52.
Алтайский сад. Перевел Ю. Полухин . .	54.
Голубые просторы.. Перевел Ю. Полухин .	56.
Отроги Алтая — моя квартира...	
Перевел Б. Гайкович . . .	59.
«Маленькому человеку». Перевел Ю. Полухин	61.
Моя книга. Перевел Ю. Полухин . . .	65.
Я мечтаю, может быть.. Перевел Ю. Полухин	68.
Расставанье. Перевел Ю. Полухин . .	70.
Тоска (Песня). Перевел Ю. Полухин . . .	72.
Покинутая. Перевел В. Фирсов . . .	73.
Алтын-Кел (Золотое озеро).	
Перевел В. Фирсов . . .	76.
Отрывск из поэмы «Туба».	
Перевел Б. Гайкович	78.

Кокышев Лазарь

СТИХИ

Редактор Д. Н. Голубков
Художник Н. И. Пискарев
Худож. редактор И. В. Царевич
Техн. редактор И. М. Кахраманова
Корректор А. М. Мартынов

Сдано в набор 26/XI-57 г. Подписа-
но к печати 13/III-58 г. А02935
70×108 $1/32$. Печ. л. $2\frac{3}{4}$ (3,76)
Уч.-изд. л. 2,34. Тираж 5000 экз.
Заказ № 768. Цена 1 руб. 15 коп.

Издательство

«Советский писатель»

Москва, К-9, Б. Гнезниковский пер.,
дом 10.

Звенигородская типография

Издательство просит читателя дать отзыв как о содержании книги, так и об оформлении ее, указав свой точный адрес, профессию и возраст.

Библиотечных работников издательство просит организовать учет спроса на книгу и сбор читательских отзывов.

Все материалы направлять по адресу: Москва, К-9, Б. Гнезниковский пер., 10, издательство «Советский писатель».

20,00

1 р. 15 к.

